

Франция — Россия: механизмы взаимодействия/противодействия

М. Паоли, О. О. Попова

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В КАЗАНИ И САМАРЕ И ВОЛЖСКИЙ ФРОНТ (ЛЕТО 1918 г.)¹

В статье на основе архивных материалов рассматривается деятельность французских граждан — капитана Жозефа Борда, «избранного» вице-консула в Самаре Люсьена Жанно и некоторых других — в волжском регионе в период правления Комуча. Эти французы, в том числе составившие полуофициальную «французскую военную миссию в Казани и Самаре», как показывается в статье, имели влияние на ряд событий 1918 г. в Поволжье: деятельность антибольшевистских организаций в Самаре весной 1918 г., решение о задержке чехословацких частей в этом городе, решение о наступлении Народной армии Комуча на Казань, формирование отрядов из военнопленных «дружественных» наций в Самаре. Высказывается предположение, что в последовавшие десятилетия французские военные историки могли намеренно представить деятельность участников миссии как незначительную и даже получившую осуждение во Франции, тогда как в действительности некоторые из них были награждены, и ни один не получил порицания.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Комуч; французская военная миссия; чехословацкий армейский корпус; Восточный фронт гражданской войны в России; иностранная интервенция.

Чехи и словаки составляли примерно 16% солдат австро-венгерской армии, и нередко были враждебно настроены по отношению к двуединой монархии. В первые дни войны в России была

¹ Настоящее исследование продолжает нашу статью о нерегулярном итальянском батальоне, созданном в Самаре в августе 1918 года [21], — статью, в которой уже говорилось о Жозефе Борде и Люсьене Жанно. Выражаем благодарность Алексею Малявину — за его ценный блог об истории Самары.

создана Чешская дружина; после февральской революции ее численность значительно увеличилась и насчитывала более 50 тысяч солдат, которые перешли под французское командование 4 декабря 1917 г., в момент подписания большевиками перемирия. Эти чехи и словаки были «предателями», которых ожидала виселица в Австро-Венгрии (многие действительно были повешены), вот почему они были недружественно настроены к большевикам, заключившим мир с Центральными державами [17, р. 291; 11, р. 74, 115; 23, р. 31; 13, р. 192].

История перемещений чехословацкого корпуса и его эшелонов в начале 1918 г. весьма хаотична. Немцы желали его расформирования, но требовали прежде всего, чтобы эти поезда были предоставлены для транспортировки военнопленных Центральных держав. Большевики хотели разделить офицеров и солдат, потому что рассчитывали легко склонить последних к идеям революции. Белые намеревались использовать эту силу одновременно против немцев и против красных (генерал Алексеев высказывает эту идею в ноябре 1917 г.). Наконец, союзники желали отправить чехословаков на Западный фронт. Согласно одному из предложений, чехословацкий корпус должен был прибыть во Владивосток, транспортироваться японцами в Аден, где британцы обеспечили бы его дальнейшее перемещение. Но японцы не были склонны участвовать в этом. Тогда возникает идея отправить эшелоны в Архангельск и Мурманск, — но британцы поняли, что не имеют достаточно транспортных судов для перемещения такого количества солдат. А главное, военное министерство Великобритании (*War office*) начинает думать, что они будут более полезны в России; на набережной Орсэ — в Министерстве иностранных дел Франции — приходят к такому же выводу. В большевистском лагере появляются новые проблемы: последовательно, большевики соглашались пропустить эшелоны, испытывают давление немцев, хотят разоружить солдат, изменить маршрут их передвижения. И так в течение долгих недель чехословаки, распределенные по многочисленным эшелонам, и убежденные, что едут во Францию, — на самом деле направляются то в сторону портов Севера России, то в сторону Владивостока [16; 17, р. 224, 248, 293; 11, р. 116; 13, р. 194].

Взрывает ли ситуацию перепалка между венгерскими военнопленными и чешскими легионерами — челябинский эпизод 14 мая? Или мятеж начинается около десяти дней спустя, когда, в ответ на телеграмму Троцкого, приказывающего разоружить чехословаков, хотя бы и силой, последние берут под контроль транссибирскую магистраль на протяжении многих тысяч километров? Удивляет внезапность мятежа: за несколько дней чехословацкий корпус становится главной проблемой для большевиков. Был ли мятеж подготовлен? Историк Джон Брэдли настаивает на недоразумении — но его позицию сложно разделить [14, р. 79]. У чехословаков были конкретные причины недолюбливать большевиков. Многие из них могли симпатизировать революции, но им не стоило больших усилий понять, что большевистская власть не способствовала достижению их собственных целей.

Если мы не хотим солидаризироваться с точкой зрения Д. Брэдли, остается два варианта причин эскалации конфликта: 1) объективные проблемы, достаточно существенные для того, чтобы вызвать спонтанный бунт, распространяющийся со скоростью лесного пожара, или 2) спланированное выступление, которому нужен был только предлог. Если все было подготовлено, то кем? Чешским командованием? В согласии с белыми? Или с белыми и союзниками? Для советских историков, а также для чехословаков-коммунистов причастность «империалистов» была очевидной, однако главным недостатком их гипотез было отсутствие подтверждающих документов. Было легко упрекнуть их в этом. Долгое время западные историки ограничивались констатацией этой проблемы. В середине 1960-х гг. Жан Дельмас в своей докторской диссертации, написанной примерно в то же время, что и диссертация Джона Брэдли, стремился показать, что французская военная миссия не имела к этому никакого отношения. Исторические исследования последних десятилетий уже не столь однозначны. И хотя никаких прямых доказательств участия французской миссии найдено не было, нельзя не отметить, что отдельные свидетельства все же накапливаются. Мы не представим здесь документ, подтверждающий, что приказ о выступлении чехословацкого корпуса был отдан в Лондоне

или Париже, но мы предоставим некоторые важные свидетельства [16, р. 350–351; 15, р. 200; 18, р. 65].

Жан Дельмас признавал, что восстание было «слишком слабым», чтобы считать его неподготовленным. По его мнению, ответственным за него был Радола Гайда. Историки-коммунисты, в свою очередь, некоторое время пытались обвинить Масарика, чтобы очернить его; но последний, напротив, был сторонником сотрудничества с большевиками — до такой степени, что вызывал подозрения в окружении Клемансо. Правда, чешский лидер встречался с Борисом Савинковым и помогал ему. При этом Савинков впоследствии писал в своей книге «Борьба с большевиками» (1920) о существовании обширного и согласованного плана по свержению большевиков: в июне 1918 г. союзники должны были высадиться в портах Севера; восстания под руководством эсеров должны были произойти в Рыбинске и Ярославле; чехословаки должны были выступить на Казань и обеспечить соединение сил. Затем, после убийства Ленина и Троцкого, достаточно было захватить Москву. Был ли это план, или только фантазия Савинкова? Сам он не приводит доказательств [15, р. 196; 16, р. 353; 17, р. 305; 19, р. 123].

Рапорты капитана Борда

Капитан Жозеф Борд написал два рапорта, чтобы отразить свои действия будучи во французской военной миссии в Казани и Самаре [Service historique de la Défense — Fonds de l'armée de Terre à Vincennes (SHD-GR) 7 N 1556. Первый из них касается его действий во время войны до отправки в Казань в июне 1918 г. (15 машинописных страниц). Второй рассматривает события июля — октября 1918 года и посвящен взятию Казани противниками большевиков (17 страниц). В конце обоих рапортов есть пометка «Просмотрено и передано» и подпись генерала Бертело, главы французской военной миссии в Румынии («Мец, 9 января 1920 г.»).

До Первой мировой войны Борд был совладельцем шахты в Донбассе (где он находился с 1903 г.). С началом войны Борд возвращается во Францию и принимает участие в боевых действиях, например, в подрыве моста возле Дуэ. В сентябре 1915 г., после по-

лучения диплома пилота, он был направлен в Салоники, для установления контакта с сербскими офицерами, язык которых он освоит. В сентябре 1917 г. Борд был откомандирован в Румынию, где генерал Бертело присвоил ему звание капитана. В марте 1918 г., пересекая охваченные войной регионы, он спасает подполковника Юше, арестованного большевиками в Новочеркасске. В своем рапорте Юше поясняет, что в декабре 1917 г. он был направлен в Добровольческую армию Алексева и Корнилова. В конце февраля оставленный донскими казаками Алексеев уехал на Кавказ, а миссия Юше была арестована окружившими Новочеркасск большевиками. Борд и сержант Гурден, которые должны были передать Юше крупную сумму денег, прибывают туда 18 марта. «Благодаря прекрасному знанию русского языка, мужеству и ловкости»² капитан убедил местных большевиков выдать пропуска Юше и его миссии, в результате чего французы вышли на свободу. То, что рассказывает Юше, очень характерно для Борда: не колеблясь, он действует очень смело, ему легко удастся сделать своих собеседников верными союзниками. Описание взятия Казани Бордом очень точно укладывается в повествование Юше, что делает рапорты Борда заслуживающими доверия (даже если мы примем во внимание то, что капитан писал их ради оправдания себя и своих поступков).

Затем Борд прибывает к майору дю Фретею, которому французская военная миссия поручила консультировать Антонова-Овсеенко, командующего силами большевиков на украинской территории (это был момент кооперации между союзниками и советскими властями после подписания Брест-Литовского мирного договора и до чехословацкого выступления). Борд участвует в отражении наступления немцев на Украину, минирует инженерные сооружения. Затем он направляется в сторону Царицына (где будет ненадолго арестован большевиками), одновременно эвакуируя большие запасы военного имущества. В начале апреля 1918 г. он видит на своем пути блокированные чехословацкие эшелоны, чьи

² Rapport du lieutenant-colonel Hucher, du 25 juillet 1919 [Ressource électronique]. Archives Nationales: base Léonore. URL: http://www2.culture.gouv.fr/LH/LH339/PG/FRDAFAN84_O19800035v2656068.htm. Lien consulté: 05.01.2022.

начальники с нетерпением ожидают продолжения движения. Прибыв в Самару, Борд встречает Люсьена Жанно, второго участника этой истории, который называет себя консулом Франции. Это происходит 18 мая, когда нарастает напряжение между Троцким и чешскими руководителями. Вот так Борд продолжает свой рапорт (говоря о себе в третьем лице):

Видя, что конфликт неизбежен и что лучше, при одобрении генерала Лаверня, попытаться объединить различные партии, — партии, которые могут поддержать чешское движение или, по крайней мере, использовать его в своих интересах, капитан Борд приглашает в свой вагон: 1° — М. Жанно, избранного консула в Самаре, 2° — доктора Фишера³, руководителя всех чехов к западу от Волги и в Самаре, 3° — Боголюбова, лидера партии эсеров, насчитывающей 1500 преданных своим убеждениям членов, 4° — полковника Хорошкина [sic! имеется в виду Борис Хорошхин], полномочного представителя уральского казачества, с тех пор провозведенного в генералы [SHD-GR 7 N 1556, p. 9–10].

Таким образом, на совещании представлены Франция, чехословаки, правые эсеры и казаки. Отчет об этой встрече заканчивается следующим образом:

Наконец, по совету капитана Борда и г-на Жанно, было условлено, что, как только большевики будут изгнаны из Самары, правительство Советов будет объявлено свергнутым и что в этом городе [т. е. в Самаре] будет собрано как можно больше влиятельных, энергичных, патриотически настроенных политических деятелей, которые попытаются сформировать зачаток правительства. Г-н Жанно уже поддерживает контакты со всеми главными чешскими лидерами, которым он оказывает покровительство и тайно принимает в своем доме [Ibid., p. 10].

Чехословацкий мятеж еще не вспыхнул, но французы принимают участие в совещании, цель которого — «объявить правительство Советов свергнутым», — совещании, которое приведет к конкретным результатам, хотя и не позволит реализовать описанный Савинковым план. Уполномочены ли Жанно и Борд провести опе-

³ В одном из чешских трудов [28, s. 84, 124] два раза упоминается некто Фишер (Fišer), представитель Чехословацкого национального совета в Самаре.

рацию по свержению большевиков? Что касается Борда, писавшие о нем историки представляли его смелые предприятия как своего рода личное приключение, осуществлявшееся без задания командования. Достаточно привести мнение Жана Дельмаса (который следует за Джоном Брэдли):

Капитан Борд — это офицер, который, часто ускользая от контроля своих непосредственных командиров, ставит свои собственные задачи и действует самостоятельно. [...] Возможно, он контактировал с чехословаками во время пребывания в Самаре в апреле-мае. Но в то время он был всего лишь офицером миссии Бертело, изолированным на юге России и еще не перешедшим в подчинение к своему новому командиру, генералу Лаверню. Можно допустить, что он участвовал в разработке планов Гайды, но делал он это без указаний начальства [15, р. 203, 14, р. 88].

Цель Жана Дельмаса — показать, что чехословацкое восстание было организовано Гайдой и что французская военная миссия здесь ни при чем. Однако при чтении рапортов Борда удивляет то, что он отчитывается перед Лавернем обо всем, что делает. На самом деле Дельмас всего лишь следует старой интерпретации, — той, которой придерживался генерал Жанен, когда прибыл в Сибирь в ноябре 1918 г. Жанен узнал о действиях, осуществленных Жанно и Бордом летом и обязал Борда отчитаться перед Парижем. Именно при таких обстоятельствах Борд пишет два рапорта, о которых идет речь.

Жан-Давид Авенель резюмирует еще более откровенно: Борд (и другие, например, майор Гине) «превысили полномочия своей миссии. [...] В данном случае они [предстали перед] дисциплинарной комиссией» [11, р. 125, 152; 22, р. 117]. Но дело в том, что Борд, после данного им отчета, не получил взысканий и не привлекался к суду (в отличие, например, от просоветски настроенного Ж. Садуля, которого судят за измену, когда он возвращается в Париж). Более того, в 1920 г. Борд получил орден Почетного легиона, а Гине, уже будучи кавалером этого ордена, возведен в ранг офицера. Ни о какой дисциплинарной комиссии не идет речи. Когда капитан организует совещание чехов, правых эсеров и казаков с целью свержения советского режима, он делает это, уверенный в том, что действует в рамках миссии, порученной ему Лавернем.

Можно подчеркнуть реакцию Жанена на эти события спустя полгода, но следует также констатировать, что никаких санкций по отношению к Борду не последовало.

Жанно и его письма

Однако то же самое справедливо и для «ненастоящего» вице-консула в Самаре, неизменно именуемого в документах «г-н Жанно» (*monsieur Jeannot*) [SHD-GR 7 N 1548; SHD-GR 8 N 25]. Люсьен Жанно, рожденный в 1871 г., в 1897 г. приезжает в Россию, становится учителем французского сначала в Грабовке (имение в Пензенской губернии), а впоследствии в Москве. В России он женится, в браке рождается дочь; позже к нему присоединяется его брат Фелисьен. Когда начинается война, Люсьен оказывается освобожденным от воинской повинности из-за ампутированной левой ступни. В мае 1915 г. он за свой счет едет в Париж, чтобы убедить Министерство иностранных дел в необходимости финансирования антинемецкой пропаганды в России. Напрасно. Тем временем, Фелисьен становится членом французской военной миссии в Москве. В России у двух братьев, по-видимому, были довольно высокопоставленные знакомства: жена Фелисьена была пианисткой при царском дворе; Люсьен имел чин коллежского асессора (и личное дворянство), что было необычным для иностранца.

Мы не знаем, в какой момент и почему Люсьен Жанно решает поехать в Самару. Едет ли он по собственной инициативе? В начале 1918 г. генеральный консул Франции в России Ф. Гренар отправляет своих представителей для ознакомления с происходящим в русской провинции; вероятно, Жанно был избран «консулом» своими соотечественниками [24, р. 120–122; Archive du Ministère des affaires étrangères — Centre des archives diplomatiques de la Courneuve (АМАЕ) Omsk 802РО/1/1–2, «Affaire Henri Mauhin», Notes]. Поль Рейно, сорок лет спустя, утверждает, что именно Лавернь послал Жанно в Самару. Несколько ранее, примерно в 1936 г., бывший белый генерал Николай Галкин также говорит, что Жанно показывал своим собеседникам телеграммы Лаверня, одобрявшие его действия [10, с. 54–55]. Тем не менее, в имеющихся у нас письмах,

которые Жанно написал по возвращении во Францию, он ни разу не ссылается на генерала Лаверня. Речь идет о его собственной инициативе, направленной на защиту интересов союзников. Был ли он направлен в Самару с секретной миссией? Вспоминаются слова Сомерсета Моэма, который сам был разведчиком в России в тот период, и описывает момент своей вербовки:

Да, прежде чем вы начнете работать, вы должны знать следующее. Прошу вас это хорошенько запомнить. Если вы отлично справитесь с делом, то на благодарность не рассчитывайте, а если у вас начнутся неприятности, то помощи вы не дожждетесь. Вас это устраивает? [(9, с. 13].

«Вполне», — отвечает Эшенден, персонаж, за которым скрывается сам автор. Как бы то ни было, в период «Самарского правительства» (июнь — сентябрь 1918 г.) Жанно сначала представляется избранным вице-консулом, а затем руководителем французской военной миссии в Самаре. После эвакуации города дела у него идут плохо, но в итоге все заканчивается хорошо. По прибытии в Омск его обвиняют, в том числе, в присвоении должности и мошенничестве. Однако через три месяца он освобождается, после чего следует прекращение дела. В 1927 г. он даже получает возмещение 100 тыс. рублей, некогда предоставленных миссии Борда в Казани. Не могло ли сообщество русских эмигрантов во Франции представить его как автора идеи Волжского фронта?

Волжский фронт

Происходившее с Бордом и Жанно в последующие годы позволяет предположить, что они не были авантюристами, действовавшими самостоятельно. Предпринятые ими действия соответствуют политике союзников с конца мая по сентябрь 1918 г. — политике, направленной на восстановление Восточного фронта Первой мировой войны путем свержения большевиков. Мы ничуть не стремимся утверждать, что Жанно и Борд были инициаторами чехословацкого восстания; но мы полагаем, что союзники явно находились в контакте с белыми и чехами и что восстание служило их интересам.

В течение нескольких недель после начала восстания капитан был участником нескольких важных событий [23, р. 183–184, 19, р. 118–124, 17, р. 279]. Троцкий взял в заложники находившихся в Москве представителей Чешской Республики Прокопа Максу и Богумила Чернака и требовал от Борда и Максы встретиться (в сопровождении представителей большевиков) с лидерами мятежных чехословаков на Волге, чтобы убедить тех разоружиться. Этот эпизод хорошо известен [23, р. 186, 17, р. 296; SHD-GR 7 N 1556, 2^e rapport de Bordes, р. 11–12]: замысел Троцкого, видимо, состоял в том, чтобы заманить чехов на переговоры в Сызрань и либо арестовать, либо убить парламентариев с Волги. Однако в ловушку никто не попадает. При чтении рапортов Борда поражает то, что он зачастую лично знает некоторых красных командиров (бывших офицеров Императорской армии) и заручается их поддержкой. Вот, например, что происходит с группой летчиков:

приглашенные на обед капитаном Бордом, [они] поклялись ничего не предпринимать против чехов, и при этом уверять большевиков, что они предпочитают сражаться за них в тысячу раз больше, чем против них [SHD-GR 7 N 1556, р. 13].

Но главное, люди, которых капитану удастся привлечь на свою сторону, передают ему телеграммы Троцкого, доказывающие, что тот отдал приказ (еще до того, как вспыхнуло восстание) 1) арестовывать чешских офицеров и расстреливать вооруженных чехов, 2) арестовать и расстрелять чехов, вызванных в Сызрань на переговоры. После этого эпизода Борд встретился в Москве с послом Нулансом:

На обеде, устроенном генералом Лавернем в честь посла, последний, по просьбе генерала Лаверня, расспросил капитана Борда о том, что он знает и думает о чехах. / Капитан Борд отвечал, что, имея возможность сравнить силы двух сторон и зная намерения основных лидеров Красной армии, он не сомневается в полном успехе чехословаков, добавив, что в России нет организованной силы, способной остановить чехов. / На следующий день посол, получив согласие своих союзных коллег, сделал следующее заявление во всех газетах: / «Союзники рассматривают чехословацкие войска как авангард войск Антанты для вооруженной интервенции против немцев, которые нарушили Брест-Литовский

мирный договор, заняв европейскую часть России» [SHD-GR 7 N 1556, р. 15; 23, р. 187].

Июнь 1918 г.

Чехословаки взяли под свой контроль Самару 8 июня. Если мы проследим за тем, что рассказывает Алексей Толстой в трилогии «Хождение по мукам» и генерал Галкин в своих воспоминаниях, то можем увидеть, что местные антибольшевистские силы начали организовываться несколькими месяцами ранее; как только большевики изгнаны, под протекцией чехов устанавливается русская власть. Следует ли чехам продолжать движение на восток? Как указывает Галкин:

Вскоре стали поступать от Брушвита сведения весьма неутешительного порядка, которые говорили о том, что якобы чехи не хотят задерживаться, а стремятся только возможно скорей пройти. Это, конечно, расстраивало планы эсеров, которые надеялись, что при длительном пребывании чехов им удастся сколотить антисоветскую силу, а при кратком пребывании чехов они не рассчитывали на возможность борьбы и боялись впоследствии остаться один на один с Красной армией [10, с. 48].

Именно в этот момент Жанно говорит о решительном вмешательстве. Позже Андре Гурден напишет сенатору Шарлю Ноэлю: «Именно ему мы обязаны Волжским фронтом» [SHD-GR 7 N 1548, *Lettre de L. Jeannot à Madame Poincaré du 16 mars 1920*]. В двух письмах, одно из которых адресовано Клемансо, а другое (полгода спустя) — мадам Пуанкаре, Жанно резюмирует события следующим образом:

«13 июня 1918 года на собрании, которое длилось с 9 часов вечера до 5 часов утра, в отсутствие представителя Франции в Самаре, где я находился, я указал членам Чехословацкого национального совета на то, что в их интересах и интересах союзников — отдать приказ чешской армии, которая должна отправиться во Францию через Владивосток, остаться в России, с целью предотвратить якобы «репатриацию» австро-германских военнопленных [...], число которых превышало миллион и которые, при соучастии большевистских властей, должны были

увеличить военную силу сражавшихся против Франции армий. [...] Члены Чехословацкого национального совета выслушали меня, и чешский корпус остался» [SHD-GR 7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes, Lettres à Clemenceau du 9 septembre 1919, et à Madame Poincaré du 16 mars 1920; см. также: 3, с. 102].

Важно отметить, что никаких следов этого заседания нам не удалось найти. Однако рассказ Жанно вполне правдоподобен. В начале июня в Самаре чехи, безусловно, помогли установлению правительства Комуча, тесно связанного с правыми эсерами, бывшими членами Учредительного собрания, но они по-прежнему хотели отправиться на французский фронт. Разве они не покинули Пензу и Сызрань, к западу от Самары, несколькими днями ранее? Как бы там ни было, чехи прекращают свою эвакуацию из города, а позиция, которую защищает Жанно, — это, по сути, позиция союзников, которые уже приняли решение об интервенции в Россию. Посол Нуланс телеграфировал в Париж 18 июня:

«Я прибыл из Москвы, где все указывает на острую необходимость вмешательства союзников на Ледовитом океане и на Дальнем Востоке. Оно будет с энтузиазмом воспринято российским общественным мнением, если успеет опередить установление немецких порядков. [...] Чехи уже две недели владеют центральной частью Транссиба. [...] [Владение Транссибом] — неоценимое преимущество для интервенции на Дальнем Востоке. [...] [Чехи] вооружаются и рекрутируют военнопленных. [...] Говорят, что в Самаре казаки Ореμβурга [sic! — Orembourg] и Уральска собираются присоединиться к чехам. / Американский консул в Москве получил письмо от консула в Самаре, который передает желание местной антибольшевистской организации поддержать чехословаков. / Подобный запрос приходит ко мне и по французским каналам» [SHD-GR 4N 46, « Copie d'un télégramme chiffré de Moscou », n°s 477 à 483].

Поскольку, как указывал Жанно, в Самаре нет представителя Франции, приходящее «по французским каналам», очевидно, передано через Жанно. По мнению Нуланса, чехи должны одновременно удерживать и Самару, чтобы облегчить организацию местных антибольшевистских сил, и железнодорожную ветку до Челябин-

ска. Майор Гине получает 20 июня инструкции от посла: поздравить и поблагодарить чехов, встретиться с сибиряками и казаками и подготовить интервенцию с востока [23, р. 188] Министр иностранных дел Франции Стефан Пишон телеграфирует 26 июня план в Лондон и Рим: необходимо начать с преимущественно японской интервенции:

«Таким образом [...] союзники могли бы достичь своих собственных целей, без промедления остановить продвижение Германии, озаботить ее военными вопросами, и постепенно воссоздать вооруженное сопротивление в России, вынуждая наших врагов к новым военным усилиям» [SHD-GR 4N 46, «Paris, le 26 juin 1918–17h30»].

План кажется последовательным, за исключением того, что ни японцы, ни американцы на него не согласны [SHD-GR 4N 46, Groupe de l'Avant, 19 juin, «La situation des Tchèques en Russie et en Sibérie»]. Тем временем в Москве левые эсеры отказались поддерживать большевиков, потому что считают Брест-Литовский договор предательством. Чтобы принудить большевиков возобновить войну, 5 июля они убивают посла Германии Мирбаха [19, р. 127]⁴. Следует восстание, которое быстро терпит поражение. Но несколько дней спустя, 10-го числа, Михаил Муравьев, левый эсер, которого Ленин только что назначил командующим Волжским фронтом, также выступает против большевиков [27, р. 116–119]. Внезапно он захотел объединиться с чехами, изгнать большевиков и объявить войну Германии. Трудно понять этот неожиданный поворот, которому в конечном итоге даются объяснения почти психиатрического порядка [17, р. 325; 27, р. 177; 14, р. 88], однако Борд в начале своего второго рапорта сообщает следующее:

⁴ Пьер Паскаль, член французской военной миссии, близкий к Садулю, дает понять, что Гурден имеет какое-то отношение к убийству: «Через несколько дней после убийства Мирбаха, возможно, на следующий день, в Миссию явился некий человек, на лице и руке которого были следы от ран, полученных, по его словам, от осколков гранаты. Он выдает себя за одного из убийц Мирбаха. Он пришел, чтобы отчитаться перед Гурденом, соратником Борда, и получить инструкции» [22, р. 304]. Паскаль также говорит о Борде, что тот «действует вне Миссии и разведки».

«Я использую [расположение левых эсеров в Казани], чтобы попытаться склонить Муравьева, который какое-то время находился в контакте с французской миссией в Одессе (полковник Аркье), и даже на ее жалованье, заключить мир с чехами. Через посредство двух офицеров, родственников знакомых мне инженеров из Донецка, я уговорил его отправиться в Симбирск под надежной личной охраной (30 сербов и офицер батальона Благодича из Казани), чтобы сагитировать его войска оставить глупую и братоубийственную борьбу с чехами» [SHD-GR7 N1556, rapport dactylographié intitulé «Rapport du Capitaine Bordes», р. 1].

Однако вскоре Муравьев начинает действовать слишком самоуверенно и погибает. Тем временем в Самаре Люсьен Жанно активно занимается сбором средств, которые позволяют ему продолжить работу по пропаганде и рекрутированию военнопленных. Самара была центром богатого региона, где было немало миллионеров [17, pp. 244, 303]. Александр Елшин, участник политической жизни Самары, так описывает Жанно и его сбор средств:

«16–3 июля [1918 г. Вторник. [...] Сегодня утром я зашел к Н. П. Попову в магазин, имел разговор с ним по сбору денег. Затем я взял у него 10 тыс. [рублей] и пошел к Жанно. Он очень просил собрать до 100 тыс. для формирования сербских и вообще славянских батальонов из уфимских военнопленных (там их оказалось, по словам Жанно, несколько тысяч). С неделю назад я отнес ему 15 тыс. [рублей]. У него я застал двух офицеров чехов, затем несколько человек. Он сообщил мне, что он ждет отбытия в Челябинск. Передал 10 тыс[яч], получил расписки на 15 тыс. и на 10 тыс. [рублей] и сейчас же ушел. Жанно мне сообщил, между прочим, что французы надеются из военнопленных славян организовать до 80 тыс. человек. При уходе он просил меня раздобыть браунинг для Ребенды (коменданта Самары) и диктора Фишера (представителя чешского штаба в Самаре, с которым я встречался до переворота 8 июня)» [4, с. 361–362].

Жанно доходит до того, что добывает деньги, занимаясь торговлей (покупая и перепродавая муку, молоко, масло). Он сам это объясняет:

«Офицер, проводивший дознание [...] вменил мне в вину операцию с зерном, целью которой было снижение цены на муку. Я в этом преуспел, и за ночь добился снижения цены на пуд муки

в Самаре с 85, 80 и 75 рублей до 25, 23 и 22 рублей. Большая часть прибыли была использована для ведения пропаганды в лагерях для военнопленных, с целью рекрутирования чехов, румын и т.д. Я был изолирован ото всего и ото всех, и мне нужно было добыть средства для поддержки своей деятельности. Я нашел их, и они не стоили Франции ни гроша. Кроме того, я провел эту операцию с согласия французских военных властей» [SHD-GR 7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes, Lettre à Clemenceau du 9 septembre 1919; ср. 2, с. 305].

Июль 1918 г.

Итак, цель Жанно — рекрутировать солдат в лагерях для военнопленных. Тем временем, французские дипломаты решили направить в Самару настоящего вице-консула — Люсьена Комо. Последнему было «поручено создание в Самаре пункта для пропаганды и антибольшевистских действий» [АМАЕ395ОQ –148 «Note sur la carrière de Lucien Caumeau» du 11 décembre 1923 [de la main de Caumeau]]. Он прибывает в город 6 июля 1918 г. Это серьезная опасность для Жанно, но его спасает другой француз — майор Гине, в то время «выполнявший миссию комиссара правительства при чехословацких войсках» и прибывший в Самару в те же дни. Вот как он представляет ситуацию два года спустя:

«Когда, 9 июля 1918 года, проезжая через Самару, я под свою ответственность уполномочил г-на Жанно продолжить его работу (ранее начатую по согласованию с чехословацкими руководителями и комиссарами, а также с представителями правительства Самары) в отношении надзора за немецкими военнопленными и рекрутирования чехословаков, поляков, румын и т.д., я особо оговорил, что он будет заниматься этим на свои средства, — точно так же, как он ранее, до выступления чехословаков, занимался пропагандой в пользу Франции. Г-н Жанно ответил: «Я не прошу вас ни о чем, кроме документа, который позволит мне беспрепятственно посещать лагерь для военнопленных» — этот документ я ему немедленно выдал» [SHD-GR8 N25, Lettre datée Vannes, 6/9/20, à la Direction du Contrôle, réponse à la note 6887A du 1er septembre 1920].

Однако Жанно впоследствии предоставлял этот документ как подтверждение своей роли «полномочного представителя» французской военной миссии. Далее Гине делает общий комментарий по поводу Жанно:

«Что касается его деятельности, то она была спонтанной, и была начата много раньше моего приезда в Самару. В мае-июне 1918 года он имел довольно четкое представление о ситуации и вполне активно сотрудничал с чехословаками и депутатами Учредительного собрания (в большинстве своем правыми эсерами) против советской власти в Самаре. Я могу только констатировать это. [...] Несколько самарских французов просили меня, когда я прибыл в Самару, чтобы функции консула выполнял г-н Жанно, а не г-н Комо, который только что был направлен из Москвы в Самару в должности вице-консула. Я ответил им, что до дальнейшего уведомления г-н Комо останется единственным консулом в Самаре. И я, по его просьбе, уполномочил г-на Жанно продолжить его работу по пропаганде и рекрутированию добровольческих отрядов за его собственный счет (потому что не имел никаких выделенных для этого ресурсов). Я должен добавить: 1. что г-н Жанно, в остальном, ни о чем больше не просил; 2. что я немедленно доложил обо всех этих фактах в секретном сообщении военному атташе в Москве (генералу Лаверню) и г-ну Буржуа, генеральному консулу в Иркутске» [Ibid].

Как только Гине уезжает, настоящий вице-консул публикует газетные объявления, в которых уточняет, что он единственный полномочный представитель Франции, или, позднее, что «французское консульство в Самаре не продает муку». [Ср. 1, с. 3]. В частности, он пишет Нулансу длинное нешифрованное письмо, в котором объясняет, что происходит. Единственный способ отправить письмо послу — поручить его посыльному. Но посыльный Комо схвачен большевиками, которые находят письмо и переправляют его Троцкому, а тот немедленно публикует его в «Известиях ВЦИК» под заголовком «Господа Чехословацкой России». Для большевиков письмо является доказательством того, что союзники сотрудничают с чехами и белыми. Как сообщается в письме, Жанно

«...получает даяния, достигающие сотен тысяч руб., со стороны финансистов и коммерсантов и широко расходует их на вознаграж-

дение своего генерального штаба и на оплату вербовщиков пленных, которые уже достаточно широко его эксплуатировали»⁵ [5, с. 3]

Между тем 15 и 16 июля два вице-консула по отдельности участвуют в Челябинском совещании [26, р. 133], направленном на объединение сил, сформировавшихся между Волгой и Сибирью. Белые по-прежнему обращаются к Жанно как к полномочному лицу, если судить по письму, адресованному начальником ведомства иностранных дел «глубокоуважаемому гражданину» Жанно [25, р. 5–6]. Однако Комо начинает плести свою паутину. В его лагере — Иосиф Ильин, его переводчик, который в своем дневнике высказывается о Жанно так:

«22 июля [1918 года] [...] Жано [...] без одной ноги и производит очень внушительное впечатление, но на деле, оказывается, был просто учителем французского языка в Московской гимназии и кадетском корпусе. Он ходит в военной форме, и у него адъютант — какой-то штабс-капитан Стембо, еврей. Жано, как говорит Кудрявцев, большой жулик и занимается главным образом спекуляцией с мукой. Теперь между этими двумя представителями «прекрасной Франции» идет глухая вражда и борьба. Комо называет Жано самозванцем, а Жано уверяет, что настоящий консул он, в споре принял участие Стембо, который заявил Клаф-тону и Кудрявцеву, что месье Жано — консул по военным делам, а Комо пусть по гражданским». [6, с. 288–289]

Благодаря такому разделению задач и «документу», неосторожно предоставленному Гине, «ненастоящий» консул может по-прежнему посещать лагерь военнопленных. В конце июля Борд рассказывает о взятии Симбирска, города на полпути между Самарой и Казанью [19, р. 57; 26, р. 50]. Он упоминает как самых блестящих бойцов, которых встречает («белый» Каппель, серб Благодич, который сыграет важную роль при взятии Казани, чех Швец), так и некомпетентных политиков и военных, которые начинают скапливаться на освобожденной от большевиков территории. Двое из его людей, оставшиеся в Казани, сообщают, что там хранится

⁵ Не имея оригинала письма, написанного по-французски, нельзя исключать, что Троцкий хотя и не сфабриковал подделку, но иногда вмешивался в текст, чтобы сгустить краски ради целей пропаганды.

огромный золотой запас Российского государства, и что эвакуация «царского золота» в Нижний Новгород уже началась.

Взятие Казани

Первого августа большевики постановили мобилизовать всех мужчин в возрасте от 18 до 40 лет [19, pp. 120, 129], а Ленин пишет Раскольникову, что революцию можно спасти только при условии быстрой победы над чехами [26, p. 51]. Однако поначалу положение большевиков будет только ухудшаться. И в самом деле, на следующий день союзные войска высаживаются в Архангельске и устанавливают там антибольшевистскую власть. В ответ на это 5 августа в Москве и Петрограде заключены под стражу двести британцев и французов [17, p. 339; 19, pp. 123, 139–140]. Но самое главное, при захвате Казани белыми 6 августа большевистская власть теряет почти все золотые резервы Центрального банка и Российского государства. Борд не без удовольствия отмечает, что «все телеграммы Троцкого и Муралова были лишь призывом к сопротивлению любой ценой, криком отчаяния Ленина, который полагал, что захват Казани контрреволюционерами означал падение правительства Советов» [SHD-GR 7 N 1556, rapport dactylographié intitulé «Rapport du Capitaine Bordes», p. 9, 10].

Взятие Казани занимает несколько страниц в рапорте Борда. В этом повествовании чередуются эмоционально окрашенные фрагменты, почти эйфорического характера (обо всем, что будет способствовать захвату города), и фрагменты более рефлексивные, тон которых более глух (о причинах последующего провала), как если бы автор рапорта написал первые фрагменты на месте и добавил вторые задним числом. Трудно отрицать, что Борд сыграл одну из ведущих ролей в выборе целей и развертывании средств их достижения, — и все это в сумме приведет к успеху. Его рассказ полон достоверных подробностей. Мы располагаем письмом российского генерала Георгия Романовского, в котором подтверждается и роль Борда, и роль сербов Благодича (особо выделенная в рапорте) [12, p. 499–500], а также свидетельство Владимира Лебедева о том, что именно французский капитан убедил Чечека атаковать Казань, а не Саратов:

«В Симбирске мы встретили капитана Борда — офицера французской армии, который только что прибыл из Казани, куда он был послан генералом Лавернем, французским военным атташе в России. Он осведомил нас о приближении союзников к Вологде и о необходимости возможно скорее захватить Казань с целью соединиться с союзными силами по пути на Вятку. Он сообщил нам, что союзные войска направляются из Вологды в Вятку. Я отправил его на аэроплане в Самару к главнокомандующему генерал Чечеку, который после беседы с капитаном Бордом дал разрешение на захват Казани» [цит. по: 7, с. 9⁶].

Направленный Лавернем⁷ Борд оказывается в Казани 8 июля, когда город все еще во власти большевиков. Он вступает в контакт с различными группами, которые могут внести свой вклад в захват города, и сводит их друг с другом. Он переходит линию фронта и присоединяется к чехам, которые готовы взять Симбирск. Не забывая отправлять рапорты Лаверню, он летит в Самару к Чечеку; затем возвращается в Симбирск, находит Благодича в Тетюшах и снабжает его оружием; 5 августа Борд пролетает над Казанью и сбрасывает листовки. Город был взят на следующий день, прежде всего силами сербов [17, р. 338; 26, р. 50; 23, р. 189; 19, р. 129]. Затем Борд становится свидетелем боев в десяти километрах к северу от города и настаивает на транспортировке золотого запаса. Очевидно, что он знаток военного дела: его интересуют как люди (офицеры, которых следует подвести к сотрудничеству друг с другом, — люди, которым нужно подать пример), так и потребности в деньгах и технике, и тактика.

⁶ Исходный источник этой цитаты не указан. Однако в записках Лебедева [8, с. 127, 133–134] обнаруживаются отрывки, возможно, пересказанные в приведенном фрагменте: «Симбирск, 26-го июля. Приехал француз летчик, капитан Борд. Пробрался через Казань. Приехал от Лаверня с известием о том, что союзники уже подходят к Вологде. Посылаю его на аэроплане к Чечеку. [...] [ночь 27 июля 1918 г.] Вечером вызвали Чечека, его не было у юза. Он говорил с прилетевшим французом, капитаном Бордом, который тоже требовал похода на Казань, основываясь на своем пребывании в Казани. Чечек, конечно, принужден будет согласиться».

⁷ Борд сам утверждает это; также, по словам генерала Нокса, захват Казани «является результатом инструкций генерала Лаверня» [SHD-GR 4 N 46, Message («Secret») du général Corvisart au général Spiers du 9 octobre].

Основное препятствие, с которым он столкнулся, имело политическую природу. В то время как Савинков и Дикгоф-Деренталь, утверждающие, что представляют «центр» (в политическом смысле), разговаривают с Лавернем и готовы пойти на значительные уступки, Лебедев действует как Керенский, выступавший за демократию, но не решавшийся по этой причине восстановить дисциплину в армии. Теперь мы лучше понимаем, почему Борд сильно сожалеет о гибели Муравьева: несмотря на чрезмерную жестокость его методов, Муравьева уважал даже Ленин — именно за то, что тот держал железную дисциплину. Что же делать с многочисленными рабочими, у которых дома есть оружие, и которые предпочитали плативших им лучше большевиков? Комуч не умеет и не хочет действовать твердо. Многие мужчины добровольно вызвались бы воевать в рядах Народной армии, если бы их мобилизовали. Если они попадут в плен, то смогут сказать, что их принудили воевать. Однако если станет ясно, что они добровольцы, то есть враги большевизма, то они рискуют быть казненными. За вычетом одной длинной страницы, полной антисемитизма, Борд очень точно анализирует все ошибки российских политиков.

Учитывая перечисленные недостатки, ясно, что Народная армия не может нормально функционировать. Преследование дезертиров осуществляется «с недостаточным упорством и рвением со стороны русских, которые слишком счастливы освободиться [от большевизма], и вот уже разделены между собой в спорах о партиях или предпочтениях такого-то генерала и т. д.» [SHD-GR 7 N 1556, rapport dactylographié intitulé «Rapport du Capitaine Bordes», р. 8]; «Поставка боеприпасов осуществляется очень плохо и часто саботируется большевиками, которые скрываются на местах» [Ibid, р. 10]. Но пока, в начале августа 1918 г., после восстания чехословаков, установления правительства Комуча в Самаре, взятия Симбирска и Казани и захвата государственной казны, положение кажется очень благоприятным. Однако в противостоящем лагере зреет ответ. Троцкий приказывает подготовить свой бронепоезд [17, р. 338] и через три-четыре дня прибывает в Свияжск, город на правом берегу Волги примерно в тридцати километрах от Казани. Там ему удастся остановить разрушение своей армии.

«...необъяснимым образом наступление белых прекращается, топчется перед последними окопами. Все висит на волоске. Если бы Каппель прошел десять километров, которые отделяли его от Свияжска в ту ночь, не откладывая, или хотя бы на следующее утро, он мог бы открыть дорогу на Москву» [19, р. 131].

Красная армия обрела лидера, требовательного к дисциплине; после покушения на Ленина декрет Совнаркома от 5 сентября 1918 г. формализует «красный террор» [17, р. 340]. У ЧК теперь есть узаконенная свобода действий; большевики начинают отвоёвывать утерянное, аресты дипломатов союзников продолжаются в Москве и Петрограде (так, 24 октября 1918 г. Фелисьен Жанно окажется в тюрьме в первый раз).

Со второй половины августа Борд описывает сложную ситуацию. Конечно, есть политические разногласия, которые должны быть урегулированы в Уфе на большом совещании (8–23 сентября) [26, р. 145], но ситуация среди военных не лучше: Благодич погиб, его сербские солдаты деморализованы, полковник Швец испытывает отвращение к политическим маневрам Лебедева и Степанова. Чечек отказывается посылать подкрепление в Казань, тогда как Троцкий, прочно обосновавшийся в Свияжске, может теперь организовать контратаку. И Борд едет в Уфу. Там под давлением чехов и союзников белые с трудом приходят к соглашению об организации единого правительства под названием Директория. Стремясь найти Гине, капитан продвигается на восток и достигает Владивостока.

Конец волжского фронта и падение Жанно

После сорока дней, позволивших вывезти российское золото, Казань была эвакуирована и пала без боя в середине сентября. Существенной проблемой оставалось отсутствие поддержки со стороны союзников. Небольшая высадка на севере мало что принесла; мятежи подавлены; чехи определенно не хотят бороться за то, что может обернуться восстановлением самодержавия; советники Вильсона даже рекомендуют им покинуть Волгу и укрыться за Уральскими горами. Неожиданно в начале октября было принято решение и об эвакуации Самары.

Директория переезжает в Омск, где обосновывается с 10 октября. Последние присутствующие в Самаре военные силы — нерегулярный батальон «Савойя», состоящий из бывших италияязычных австро-венгерских военнопленных, принимает в свой эшелон и «французскую военную миссию». Борд и Гине далеко. Остался только Жанно, и его роскошный вагон первого класса, в котором тот покидает Самару 6 октября [21, р. 219].

Жанно останавливается в Омске 11 ноября и пишет письмо Эжену Реньо, французскому верховному комиссару в Сибири, представившись главой французской военной миссии в Самаре [АМАЕ Omsk 802PO/1/1–2, Lettre de Jeannot à Regnault datée Omsk, 11 novembre 1918]. На самом деле, французские представители в Сибири уже некоторое время разыскивают его. Все началось с этого:

«Вооруженное ограбление пяти товарных вагонов государственного товарного склада, которое совершили Девуайо и Мортия [Devoiyod et Mortia], в настоящее время находящиеся под арестом в Томске, и Бранд [Brande], якобы русский офицер и ординарец на службе у Жанно, все еще находящийся на свободе. / [...] Досье также содержит неожиданное разоблачение коммерческой операции Жанно, подкрепленное официальными документами» [SHD-GR 17 N592, «Sorties», télégramme de Pichon à l'ÉМ tchèque de Tcheliabinsk du 5 novembre 1918].

Так генерал Пари, его начальник штаба Пишон и полковник Мерю обнаруживают, чем занимались прошедшим летом Жанно и Борд. Генерал Пари телеграфирует генеральному консулу в Омске Нетману следующее: «Остановите в Омске все вагоны и всех людей, эвакуированных из Самары, представляющихся членами французской военной миссии, для проверки их полномочий и характера грузов» [SHD-GR 17 N592, numéroté 57002; Cf. 14, р. 92]. На следующий день после написания своего письма, 12 ноября⁸, Жанно был изгнан из своего вагона, как он сам рассказывает:

⁸ «Сержант Гурден приехал из Казани, где находился капитан Борд, и со своей стороны — для поиска 100 000 рублей в Самаре, в период с 20 по 24 августа — указанная квитанция была изъята у М[есье] Ж[анно] во время [нрзб.: обыска?], который проводился в вагоне господина Жанно в Омске 12 ноября 1918 г.» [SHD-GR 8 N25, Dossier Jeannot, doc. n° 8].

«[...] Несмотря на мои неоднократные протесты, мне не разрешили присутствовать при обысках, производившихся в вагоне, в котором я жил; не был составлен ни протокол об изъятии вещей, ни опись принадлежащих мне вещей. Более того, я был выброшен за дверь упомянутого вагона вместе с беженцами из Самары при 35 градусах ниже нуля по шкале Реомюра [...]. Что касается меня, я отморозил себе тогда ногу». [SHD-GR 7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes, lettre à Clemenceau du 6 septembre 1919; ср. 2, с. 306]

По-видимому, на месте дело вызвало пересуды. Некоторые обвиняют французов в том, что те приехали в Россию для обогащения. Когда генерал Жанен, ответственный за руководство всеми операциями союзников, прибывает в регион, досье передается ему. После трех месяцев расследования (порученного молодому Полю Рейно) Жанен телеграфирует во Францию:

«[639] В настоящее время открыто и близится к завершению расследование в отношении невоенного французского гражданина, не приравненного к военным, г-на Жана Но [Jean Not. — sic!], Преследуемого за: во-первых, присвоение званий и полномочий, попытку мошенничества, статьи 258 и 405 Уголовного кодекса. / Существенными обстоятельствами дела являются следующие: в течение 1918 года в Самарской области, Уфе, Челябинске, [640] Омске, Иркутске и до прибытия в этот регион французских войск Жанно, отчасти из-за неосторожной доверчивости француза, снабдившего его рукописным документом сомнительной юридической силы⁹, присвоил себе должность главы или члена французской военной миссии и действовал в этом качестве, в частности, при контактах с местными властями. / На основании этого документа Жанно купил у российских властей [641] в Омске зерна по низкой цене, которое он перепродал в Самаре, получив таким образом прибыль, часть которой он использовал [нрзб.] пропаганды, остальную прибыль оставив себе. Жанно торговал также разными товарами и получал вагоны для их перевозки благодаря своим полномочиям главы или члена французской миссии. Таким образом,

⁹ Здесь, очевидно, имеется в виду документ, подписанный Гине, который давал право Жанно входить в австро-германские лагеря для военнопленных для рекрутирования добровольцев.

представляется, что он 1°/ присвоил себе должность и полномочия. 2°/ совершил мошенничество, поскольку его коммерческие операции были возможны или [642] облегчены только благодаря доверию или воображаемой власти, обеспеченной ему его фиктивным статусом главы или члена французской миссии. / Это дело привлекло много внимания в Сибири, потому что 1°/ упоминается крупная сумма денег 2°/ упомянута французская миссия» [SHD-GR5 N 184, Télégrammes de Janin, 639 à 642.]

Как резюмирует один из собеседников Жанно: «Основной причиной ваших нынешних бед было падение Самары. Если бы Самара стояла твердо, большинство было бы на вашей стороне. Самара пала, ваше положение тоже, и никто вас больше не знает» [SHD-GR7 N 1548, Dossier Jeannot-Bordes: lettre d'«une personne qui a joué un rôle important dans la lutte contre les Soviets», citée par Jeannot dans sa lettre à Clemenceau du 15 novembre 1919]. В июле 1919 г. омское расследование закончилось прекращением дела, и Жанно смог вернуться во Францию (по его словам, благодаря мадам Пуанкаре, супруге премьер-министра Франции). Затем он обратился к Клемансо, чтобы получить возмещение 100 тыс. рублей, предоставленных миссии Борда, и в итоге был принят генералом Видалоном; несколько месяцев спустя он снова пишет мадам Пуанкаре. В течение последующих нескольких лет администрация неоднократно откладывала возмещение по все новым причинам. Однако были собраны свидетельства, в том числе свидетельство Гурдена, который передал в свое время деньги Жанно Борду [SHD-GR8 N 25, Dossier Jeannot, doc. n° 8].

Заключение

Наконец, в 1927 г., через девять лет после описанных событий, Жанно получает выплату по ссуде. Борда снова направили в Сибирь на поиски пропавших без вести французов. Гине пишет книгу о пережитом в России. Комо продолжает карьеру дипломата. Согласно газете *Le Petit Parisien* от 23 октября 1920 г., ЧК арестовывала Фелисьена Жанно 57 раз; он был освобожден и вернулся

во Францию через два года после своего первого ареста и стал владельцем табачного магазина — пожалование только для тех, кто *оказал услугу* государству. Также он награжден медалью и Военным крестом 1914–1918 годов.

В противоположность тому, что Жан Дельмас пытался обосновать в своей диссертации, эти французы, несомненно, были активными участниками антибольшевистского движения, так же как, вероятно, и другие представители союзников. С французской стороны мы наблюдаем два феномена. Прежде всего, это столкновение между одним движением, которое шло с запада на восток (Нуланс, Гренар и Лавернь, которые из Москвы посылают миссии к Волге и в другие регионы для осуществления антибольшевистского плана), и другим движением, более поздним, которое шло с востока на запад (Пари, затем Жанен, которые прибывают из Владивостока, узнают, что произошло в Самаре и Казани, и хотят посадить всех причастных в тюрьму). И во-вторых, налицо несоответствие между войной, очерченной рамками закона или хотя бы рамками обычая, и гражданской войной (в сочетании с войной секретных служб). Поняв, что произошло, члены миссии Жанена отнеслись к описываемым событиям с высокомерием, что оставило отчетливый след в историографии: Жанно стремился воспользоваться обстоятельствами, чтобы обогатиться, и мы чуть не испачкались, упоминая его имя; Борд вышел за пределы данных ему поручений, и был опьянен своими мимолетными успехами. Впоследствии те немногие историки, которые упомянут об этих событиях, поддержат данное объяснение.

Франция, которая очень хорошо знает, как именно она действовала, позднее сделает все, чтобы затушевать свое участие во внутренних делах России. В книгах воспоминаний, которые Нуланс, Гине и другие участники публикуют по возвращении, никогда не идет речи о Жанно и Борде или какой-либо форме вмешательства в российские дела в Самаре или где-либо еще. В конце концов, именно люди, которые играли более чем подчиненную роль, внесли свой вклад в создание Волжского фронта и в захват государственной казны России, придав гражданской войне новое измерение. Когда есть намерение удалить все следы вмешательства, имена

этих людей легче растворить в небытии. По какой причине ими были предприняты подобные действия? Они занимали определенное положение в российском обществе и потеряли все из-за революций. Мотив борьбы с большевизмом у них, безусловно, преобладает. С другой стороны, пребывание в одном кругу с российскими или чешскими влиятельными лицами могло вскружить им голову, лишить их полноценного чувства реальности.

Список литературы

1. Волжский день. 1918. 1 сентября (№ 64).
2. Галкина Ю. М. Письмо самарского «консула» премьер-министру Франции о событиях Гражданской войны: долг гражданина и личный интерес // *Quaestio Rossica*. 2021. № 1. С. 297–308.
3. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. — август 1922 г. М.: Наука, 1973. 552 с.
4. [Елшин. А.Г.] Самара в июле 1918 года: записки А.Г. Елшина // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 5. Электрон. дан. Самара, 2017. Режим доступа: <http://sbornik.libsmr.ru/>. Дата обращения: 05.01.2022.
5. Известия ВЦИК. 1918. 20 августа, № 178 (442).
6. [Ильин И. С.] Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М.: Книжница: Русский путь, 2016. 480 с.
7. Курносов В. В. Царское золото. М.: Вече, 2011. 320 с.
8. [Лебедев В. И.] Из архива В. И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России [Электронный ресурс]. 1928. № 8–9. С. 50–197. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000074726/details>. Дата обращения: 05.01.2022.
9. Моэм С. У. Эшенден, или Британский агент. М.: АСТ, 2009. 320 с.
10. Стенограммы воспоминаний военного руководителя Комуча Н. А. Галкина (1936) // Боевой восемнадцатый год: сб. док-тов и воспоминаний / сост. Я. В. Леонтьев. М.: Русская книга, 2019. С. 44–100.
11. Avenel J.-D. Interventions alliées pendant la guerre civile russe (1918–1920). 2e éd. Paris: Economica, 2010. 234 p.
12. Bordes N.-P. L'or de Kazan. Nîmes: Lacour, 2005. 526 p.
13. Bradley J. F. N. La France, la Russie et l'indépendance tchécoslovaque en 1918 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. Т. 18, n° 2. 1971. P. 189–202.
14. Bradley J. F. N. La légion tchécoslovaque en Russie 1914–1920, Bordeaux, Impr. Delmas, 1963, p. 79.

15. Delmas J. L'État-Major français et le front oriental après la révolution bolchevique, novembre 1917–11 novembre 1918. Doctorat de 3e cycle de l'Université de Paris, Faculté de Lettres et Sciences humaines, 1965. 327 p.
16. Fic V. M. The bolsheviks and the czechoslovak legion: the origin of their armed conflict, March-May 1918. New Delhi: Abhinav Publications, 1978. 495 p.
17. Jevakhoff A. La guerre civile russe 1917–1922. Paris: Perrin, 2017. 688 p.
18. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.
19. Marie J.-J. La guerre des russes blancs: l'échec d'une restauration inavouée, 1917–1920. [Paris:] Tallandier, [2017]. 324 p.
20. McGuire Mohr J. The czech and slovak legion in Siberia, 1917–1922. Jefferson (North Carolina): McFarland & Company, 2012. 254 p.
21. Paoli M. I francesi a Samara e gli irredenti del Battaglione italiano Savoia // Studi trentini. Storia. 2020. № 1. P. 199–224.
22. Pascal P. Mon journal de Russie: à la mission militaire française, 1916–1918. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1975. 359 p.
23. Pichlík K. I legionari cecoslovacchi (1914–1920) / Karel Pichlík, Bohumír Klípa, Jitka Zabloudilová. Trento: Museo storico in Trento, 1997. 311 p.
24. Reynaud P. Mémoires. T.1: Venu de ma montagne. Paris: Flammarion, 1960. 509 p.
25. The Russian Civil War: documents from the Soviet Archives / by V. P. Butt et al. Houndmills, London: McmillanPress, 1996. 217 p.
26. Smith S. B. Captives of revolution: the socialist revolutionaries and the Bolshevik dictatorship, 1918–1923. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. 400 p.
27. Swain G. The origins of the Russian civil war. Londres, New York: Longman, 1996. 258 p.
28. Za svobodu: Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914–1920. [Díl III]. Praha: Památník Odboje, 1924. 896 s.

Michel Paoli,

PhD, HDR (French Habilitation to conduct research), ordinary professor,
Université de Picardie, Amiens, France

Olga O. Popova,

independent researcher, Moscow

FRENCH MILITARY MISSION OF KAZAN-SAMARA AND THE FRONT OF VOLGA (SUMMER 1918)

Based on archival materials, the article examines the activity of several French citizens — captain Joseph Bordes, the “elected” vice-consul in Samara Lucien Jeannot, and some others — in the Volga region during the government of Komuch. These French, some of whom made up a semi-official “French military mission of Kazan-Samara”, apparently influenced a number of events in 1918 in the Volga region: activities of anti-Bolshevik organisations in Samara in the spring of 1918, a decision to keep the Czechoslovak units in this city, a decision on the offensive of the People’s Army of Komuch on Kazan, and a formation of detachments from prisoners of war in Samara. It has been suggested that in the decades that followed, French military historians may have deliberately portrayed the activities of the mission participants as insignificant or even condemned in France, while in fact some of them were decorated and certainly were not blamed.

Keywords: civil war in Russia, Komuch, French military mission, Czechoslovak legion in Russia, Eastern front of the civil war in Russia.